

И. М. Алексеев

И СНОВА О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В статье рассматриваются проблемные вопросы определения понятия уголовно-процессуальной формы. Автор соотносит юридическую процессуальную форму и уголовно-процессуальную форму на основе философских категорий общего и особенного. В связи с этим делает вывод о том, что уголовно-процессуальная форма есть юридическая процессуальная форма, приспособленная к требованиям уголовно-процессуального права, а юридическая процессуальная форма — уголовно-процессуальная форма, возведенная в высшую степень абстракции. Уголовно-процессуальная форма рассматривается не как цель судопроизводства, а как средство, направленное на установление объективной истины. Отмечено, что уголовно-процессуальная форма состоит из внутренней формы в виде структуры права, системы элементов (нормативные предписания, институты, отрасли) и внешней формы в виде объективированного комплекса юридических источников, формально закрепляющих правовые явления и позволяющих адресатам правовых установлений ознакомиться с их реальным содержанием и пользоваться ими. Автор отстаивает материалистическую теорию познания и поэтому считает, что уголовно-процессуальная форма — это объективно сложившаяся как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений система, сформированная из принципов, юридических гарантий, институтов и норм, отличающихся предметом и методом правового регулирования, и объективированная через уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: уголовный процесс; юридическая процессуальная форма; уголовно-процессуальный закон; уголовно-процессуальная форма; общественные отношения; система требований.

I. M. Alekseev

AND AGAIN TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE CRIMINAL AND PROCEDURAL FORM

The article considers issues of the definition of criminal and procedural form. The author touches upon the legal procedural form and criminal and procedural form on the basis of such philosophical categories as common and special. Therefore, concludes that the criminal procedural form is a legal procedural form, adapted to the requirements of the criminal procedure law and legal procedural form is criminal procedural form, built in the highest degree of abstraction. The criminal-procedural form is treated not as a purpose of the legal proceedings, but as a tool, aimed at the establishment of objective truth. Noted that the criminal-procedural form consists of the inner form in the structure of law, system of elements (regulations, institutions, industry). And external forms, in the form of objectified range of legal sources formalizing legal phenomena and allowing recipients legal institutions to know their real content and use them. The author defends the materialist theory of knowledge, therefore, believes that the criminal-procedural form is objectively established, as a reflection of the existing and developing public relations, a system consisting of principles, legal guarantees, the institutions and norms, distinguished by subject and method of legal regulation, objectified through criminal procedural law.

Keywords: criminal procedure; legal procedural form; criminal and procedural law; criminal and procedural form; public relations; a system of requirements.

В понятие уголовно-процессуальной формы вкладывается различное содержание: одни ученые [7, с. 9] понимают под ней условия и порядок производства процессуальных действий, другие [2, с. 22] — требования, предъявляемые к субъектам уголовного процесса. Единого понимания столь сложного феномена в науке

уголовно-про-цессуального права еще не выработано.

Уголовно-процессуальная форма является элементом формы права, их необходимо соотносить как общее (форма права) и частное (уголовно-процессуальная форма).

Приверженцы нормативистской теории права

форму права трактуют как определенные способы выражения государственной воли общества. Форма показывает, каковы внешние проявления права, в каком виде оно существует и функционирует в реальной жизни. С ее помощью происходит придание воле государства доступного и общеобязательного характера, доведение этой воли до исполнителей. Посредством формы право как бы получает «путевку в жизнь» [5, с. 141]. Исходя из данного понимания формы права, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальная форма как элемент формы права, является способом реализации государственной воли общества в сфере уголовного судопроизводства. Отсюда возникает вопрос, как выражается государственная воля? Конечно, с помощью издания нормативных правовых актов (в случае с уголовным процессом — законов).

Однако понимание процессуальной формы только как способа выражения государственной воли общества было бы не полным.

Правоведы выделяют сущность права, его содержание и форму. Сущность права в том, что оно выражает обусловленную всей реальной жизнью государственную волю общества, а его содержание составляет нормативное выражение этой воли [5, с. 140].

В свою очередь ученые различают внутреннюю (содержание) и внешнюю формы права. Под внутренней формой права понимается структура права, система элементов (нормативные предписания, институты, отрасли). Под внешней формой права — обобщенный комплекс юридических источников, формально закрепляющих правовые явления и позволяющих адресатам правовых установлений ознакомиться с их реальным содержанием и пользоваться ими [5, с. 374], т. е. уголовно-процессуальный закон.

Таким образом, уголовно-процессуальная форма состоит из структуры права, системы его элементов, включающей нормативные предписания, институты и т. д., обобщенные через уголовно-процессуальный закон.

Данная градация процессуальной формы обусловлена сложностью указанного правового феномена. УПК РФ не устанавливает произвольно, а всего лишь закрепляет объективно существующие систему, гарантии, принципы, институты и нормы уголовно-процессуального

права.

Так, Н. И. Матузов и А. В. Малько указывают следующее: «Под системой права понимается определенная внутренняя его структура (строение, организация), которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений. Она не результат произвольного усмотрения законодателя, а своего рода слепок с действительности. Фактический социальный строй общества, государства определяет в конечном счете ту или иную систему права, его отрасли, институты, другие подразделения» [5, с. 394].

Подобное разделение формы права является весьма условным, поскольку внутренняя форма без формы внешней не может обобщиваться в реальной действительности. Но ее градация является необходимым условием исследования такого сложного феномена, как уголовно-процессуальная форма.

Б. В. Макогон пишет, что «исходя из анализа доктринальных позиций на предмет выявления в них подходов к определению юридической процессуальной формы, можно обобщить два подхода: узконаправленный (предполагающий дефинирование понятия «юридическая процессуальная форма») и комплексный (указывающий на юридическую процессуальную форму как научную конструкцию)» [3, с. 17].

В свою очередь, автор выражает приверженность к комплексному подходу определения процессуальной формы, что, по нашему мнению, является некорректным. Отмеченные два подхода к определению процессуальной формы нельзя противопоставлять друг другу. Их необходимо рассматривать на основе философских категорий общего и особенного. То есть особенное есть общее, приспособленное к требованиям конкретной отрасли права, а общее есть особенное, возведенное в высшую степень абстракции.

Кроме этого, автор, указывая на то, что системы могут выступать и как абстракции и как конструкции, рассматривает процессуальную форму именно как конструкцию, которая, по его мнению, отражает сложную систему установленных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов. Так, Б. В. Макогон указывает, что «такой ее «статус» можно расценивать в качестве «модели, требуемой для познания различных юридических форм

деятельности государственных органов» [3, с. 19].

Однако познание в общем и познание права в частности — это идущий по спирали путь все более углубляющегося проникновения в правовую действительность, путь, на котором следует выделить два основных этапа: во-первых, путь от явлений, данных в непосредственном опыте, к их сущности, во-вторых, путь от сущности явлений к тому конкретному многообразию этих явлений, с которых был начат научный анализ. За правовой формой должна быть выявлена ее сущность, ее глубинное основание и отсюда — ее экономическое, социально-политическое содержание. Отправляясь от всего этого, исследование должно вернуться к многообразию правовых явлений, которые оказываются теперь научно познанными во всей своей полноте, объективной обусловленности, практической значимости [1, с. 25].

В свою очередь, модель — это слепок с чего либо. Отсюда вопрос, с чего именно будет создаваться данный слепок? Если с процессуальной формы, какой-либо одной отрасли, то такая деятельность представляется нам бессмысленной, а возможно, и вредной, поскольку процессуальные формы иных отраслей права необходимо будет «подгонять» под существующую модель. Это, в свою очередь, не только не приведет к «познанию различных юридических форм деятельности государственных органов», но и «уничтожит» различие этих форм. Юридическая процессуальная форма объективно существует. Исследовать столь сложный правовой феномен необходимо путем абстрагирования от несущественных сторон процессуальной формы, выявления закономерностей ее функционирования. Следовательно, юридическая процессуальная форма — это не результат простого сложения процессуальных форм отдельных отраслей права, а его синтез. Однако, как известно синтезу предшествует анализ. Именно анализ процессуальной формы позволит, разложить ее на «мельчайшие» частицы, а синтез — собрать указанные частицы в виде определенных закономерностей, которые, в свою очередь, необходимо «очистить» от всего не существенного путем абстрагирования, что позволит определить понятие юридической процессуальной формы (результат абстрагирования).

В контексте всего вышесказанного автор

отмечает, что «юридическая процессуальная форма — это идеальная модель, консолидирующая правила поведения субъектов процессуально-ограничительных отношений в рамках структурированных процедур, стадий и действий, отличающихся конкретно-определенной целью» [3, с. 19]. При этом он указывает, что «прилагательное «идеальный» применительно к обозначенной модели следует интерпретировать как теоретический вариант соответствующих знаний в динамическом состоянии, т. е. должна быть постоянная дискуссия, позволяющая оптимизировать дальнейшие научные разработки рассматриваемой конструкции» [3, с. 19].

По нашему мнению, автор стал заложником идеалистического представления о познании мира. Считаем необходимым напомнить, что: «Содержание и форма права не являются результатом произвольного конструирования законодателя. Их первопричины заложены в системе общественных отношений, исключающих монизм источника и предопределяющих многообразие форм внешнего выражения права» [5, с. 375].

Если же создать определенную идеальную модель и на основе дискуссий совершенствовать ее, то в какой-то момент можно «оторваться от земли», совершенствовать процессуальную форму без учета общественных отношений, которые она (процессуальная форма) призвана упорядочить. Тем самым получается форма ради формы.

В этой связи примечательно высказывание Г. А. Печникова и В. С. Посника: «Законодатель в состязательном УПК РФ взял за основу процедуру, процессуальную форму и четко обозначил приоритет «формы» над «содержанием» (фактическим, реальным содержанием). В результате получили процессуальную (юридическую, формальную) истину, «истину формы». Поэтому необходимо четко различать принципиально разные типы уголовного процесса: процесс с объективной истиной и процесс с юридической (формальной, «состязательно-выигрышной») истиной» [4, с. 116].

С данным высказыванием мы, безусловно, согласны. Современный уголовный процесс поставил процессуальную форму на пьедестал. Так, любое ее нарушение приводит к ничтожности полученных доказательств (ст. 75 УПК РФ).

По данному поводу С. Д. Шестакова пишет, что жесткое правило о недопустимости доказательств,

полученных с нарушением норм уголовно-процессуального закона, невыполнимо на практике. Так, в большинстве западных стран нарушение, допущенное при собирании доказательств, в редком случае, является основанием не для признания доказательства недопустимым, как в российском уголовном процессе, а для его участия в тесте пропорциональности. Этот тест включает в себя оценку надежности полученного доказательства, его доказательственной ценности, значимости нарушенного права и существенности нарушения, тяжести преступления, а также, при производстве в суде присяжных, эффекта предупреждения, который способно вызвать данное доказательство [6, с. 153].

По нашему мнению, указанная ситуация детерминирована упрощенным пониманием уголовно-процессуальной формы как системы требований [2, с. 22] или правил поведения субъектов процессуально-ограничительных отношений [3, с. 19], установленных уголовно-процессуальным законом.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Уголовно-процессуальная форма является элементом формы права, их необходимо соотносить как общее (форма права) и частное (уголовно-процессуальная форма), то есть уголовно-процессуальная форма — это форма права, приспособленная к особенностям уголовно-процессуального права.

2. Уголовно-процессуальная форма имеет внутреннее содержание и внешнее выражение.

3. Уголовно-процессуальная форма — это объективно сложившаяся, как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений, система, состоящая из принципов, юридических гарантий, институтов и норм, отличающихся предметом и методом правового регулирования, объективированная через уголовно-процессуальный закон.

Список библиографических ссылок

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. Т. 1.
2. Великий Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001.
3. Макогон Б. В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17—22.
4. Печников, Г. А., Посник, В. С. О концепции приоритета процессуальной формы над истиной и гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 2 (17). С. 115—119.
5. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
6. Шестакова С. Д. Десятилетие уголовно-процессуального кодекса России: правовой инфантилизм или юридическая зрелость? // 10 лет Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: проблемы теории и практики применения: материалы межведомств. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 22 ноября 2011 г. / сост.: С. М. Прокофьева, С.А. Роганов. СПб., 2012. С. 151—154.
7. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981

© Алексеев И. М., 2014